

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-55-63>

УДК 81'42.811.161.1

Рассказ Ю. Казакова «Манька»: опыт филологического анализа (к 95-летию со дня рождения)

Екатерина Александровна Ясакова

Балашовский институт, Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия, eayasakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0390-8781>

Аннотация. Статья посвящена анализу и интерпретации рассказа Ю. П. Казакова «Манька». Автор использует метод филологического анализа как синтез литературоведческого и лингво-стилистического подходов к тексту. В результате проведенного исследования автор приходит к выводам, что это произведение ярко демонстрирует особенности творческой манеры писателя, черты его индивидуального художественного стиля. Анализ языка рассказа проводится в тесной связи с его идеяным содержанием и воплощает концепцию «внутреннего языкового мира» художественного текста, проявляющегося в подтексте произведения, включенного в школьные хрестоматии по литературе. Автор статьи предлагает литературоведческие и лингвистические ориентиры для работы учителя-словесника.

Ключевые слова: Ю. П. Казаков, «Манька», лирическая проза, ассоциативная связь, музыкальный подтекст, мир людей и мир природы, пейзаж, повтор

Для цитирования: Ясакова Е. А. Рассказ Ю. Казакова «Манька»: опыт филологического анализа (к 95-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 4. С. 55–63. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-55-63>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Yu. Kazakov's short story "Manka": an experience of philological analysis (to the 95th anniversary of the birth)

Ekaterina A. Yasakova

Balashov Institute (branch), N. G. Chernyshevsky Saratov State University, Balashov, Russia, eayasakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0390-8781>

Abstract. The article is devoted to the analysis and interpretation of the short story by Yu. P. Kazakov "Manka". The research employs the method of philological analysis as a synthesis of literary and linguo-stylistic approaches to the text. The study results in the conclusion that the piece of writing under consideration vividly demonstrates the peculiarities of the writer's creative manner and the specific features of his individual artistic style. The analysis of the language in the short story is carried out in close connection with its ideological content and embodies the concept of the "inner linguistic world" of a literary text, which is revealed in the subtext of the piece of work included in school Literature anthologies. The author of the article suggests literary and linguistic guidelines that Russian language and Literature teachers can use in their practice.

Keywords: Yu. P. Kazakov, "Manka", lyrical prose, associative connection, musical subtext, the world of people and the world of nature, landscape, repetition

For citation: Yasakova E. A. Yu. Kazakov's short story "Manka": an experience of philological analysis (to the 95th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2022;83(4):55–63. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-55-63>.

Введение. Творчество Ю. П. Казакова относится к позднесоветскому периоду истории отечественной литературы. Прижизненная литературная оценка творчества писателя далеко не всегда включала определения, характеризующие особенности его прозы, автора упрекали в том, что он игнорирует социальную проблематику. Однако

многие исследователи 1960–1970-х гг. отмечали «слегка отстраненный психологизм» в рассказах писателя, «внимание к безответным движениям души», «сострадание к незадачливым героям, которые часто не могли понять своей дороги, стать вровень дарованному им таланту» [Камянов, Электронный ресурс].

Прошло 40 лет со дня смерти Ю. П. Казакова, но его книги продолжают волновать ученых-филологов, учителей-словесников, простых читателей. Об этом свидетельствуют диссертации, посвященные художественной прозе писателя, многочисленные статьи и монографии, вышедшие в последние десятилетия, появление групп единомышленников в социальных сетях. Исследователи рассматривают творчество писателя с точки зрения жанра, проблематики¹, продолжения традиций, заложенных А. П. Чеховым, И. А. Буниным, К. Г. Паустовским [Чебракова 1992]. Лингвистические исследования обращены к лексико-семантическим особенностям рассказов Ю. П. Казакова²; к стилистико-речевым средствам и приемам организации текста [Гулак 2012; Фролова 2012]; к нарратологической структуре его новел [Баранова 2021] и другим проблемам. И литературную критику, и филологические работы объединяет то, что все приближающиеся к осмыслинию «казаковского феномена» обозначают его как «тайну», «загадку» или даже «чудо».

В исследованиях утверждилось мнение о лиричности прозы Казакова. В ней в качестве стилеобразующих доминант выделяются такие черты, как выраженность авторского «я», наличие подтекста, особая задача пейзажа и роль детали, а также тяготение к ассоциативности художественного мышления. Кроме того, определяя стилистические особенности рассказов писателя, филологи прибегают к термину «импрессионизм», связывая его с традициями орнаментальной прозы XX в.: «Импрессионизм как эстетика, обладающая “переходным характером”, обогащает реалистически вещественный мир рассказов»³.

¹ Чекулина Н. А. Лирическая проза Юрия Казакова (проблематика и жанровые особенности): дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1983. 186 с.; Махинина Н. Г. Проблема нравственных ценностей в творчестве Ю. Казакова: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1997. 277 с.

² Гусейнова Г. М. Концепты «свет» и «цвет» в художественной картине мира Ю. П. Казакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. 25 с.

³ Егенинова Н. Е. Рассказы Ю. П. Казакова в контексте традиций русской орнаментальной прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 25 с.

Писатель обладал способностью слышать музыку окружающей действительности – мира людей и мира природы. Музыка в его лирической прозе как бы предшествует поэтическому образу и самому слову, создает сложный музыкальный подтекст. Вот почему об авторе в рассказах Казакова часто говорят как о лирическом герое.

На мировосприятие писателя и его творчество также повлияли увлеченность охотой, тяга к путешествиям, что обусловило еще одну особенность его художественного стиля: способность к созданию «второго мира» природы (К. Г. Паустовский), обогащающего мыслями и облагораживающего красотой того, кто его видит и воспринимает. При этом созданный художником мир не иллюзорен, наоборот, реалистически отчетлив, зрим, пластичен и в то же время «романтически загадчен и музикален» [Кузьмичев, Электронный ресурс].

Исследователи отмечают, что для Ю. Казакова характерна толстовская отвага в постановке вечных вопросов бытия: «...толстовское “уважение к жизни” – нравственная аксиома... святая святых» [Там же]. Лирический герой Казакова хранит в себе благодарность Творцу за каждый прожитый миг. При этом писатель остро чувствует быстротечность и в связи с этим трагизм земного бытия, его величие, красоту и одновременно бренность.

В 1958 г. в Архангельске вышла в свет одна из первых книг Ю. П. Казакова «Манька». Название книге дал одновременный рассказ. И уже это обстоятельство, безусловно, выделяет данный текст, заставляет читателя обратить на него особое внимание.

В настоящей статье предпринята попытка дать комплексный анализ этого произведения, предложить некоторые литературоведческие и лингвистические ориентиры для работы учителя-словесника.

Анализ. Рассказ «Манька» посвящен К. Г. Паустовскому, которого автор считал своим учителем. Сохранилась большая переписка молодого писателя со старшим товарищем по цеху. Этот эпистолярный разговор отличает высочайшая степень доверительности, когда нетмыслия что-либо скрывать от собеседника, потому что он поймет тебя, может быть, лучше, чем ты сам. Рассказ «Манька» выдержан в особой музыкальной тональности

любви, нежности, преданности и сокровенного диалога. Автор делится с чутким читателем своими открытиями, которые лежат в самой простой, привычной нам обыденности. И то, как он это делает, и есть настоящее чудо.

Рассказ назван именем главной героини. Так, следуя традиции, автор указывает читателю на ключевой образ, организующий весь текст. Просторечная форма имени собственного определяет социальное положение героини и говорит о ее молодости. Маньке семнадцать лет, она сирота, работает «письмоносицей» и каждый день проходит по тридцать верст с тяжелой почтовой сумкой по глухим лесным тропам, по берегу северного моря. Просторечная, диалектная лексика и обороты речи сразу же вводят читателя в уникальный мир, характерный для поморов: *порато* — очень, весьма, сильно, крепко⁴; *разболоклась* — разделась, сняла лишнюю одежду:

...матушка на другой год руки на себя наложила. *Порато* тосковала! Вечером раз вышла из избы, побегла по льду в море, добегла до половины, *разболоклась*, одежду узелком на льду сложила и пала в воду...⁵;

пестерь — плетенный из бересты короб для сортирования ягод и грибов, а также для помещения иной, не слишком тяжелой ноши; его носят и на руке, и на лямках за плечами:

Тогда надевают на спину Маньки большой *пестерь* и плотно, тяжело нагружают его.

Так в повествовании возникает народно-поэтический фон.

Рассказ разделен на четыре небольшие главки, каждая из которых «ведет» свою тему. Первая глава представляет собой экспозицию. Ее ключевое слово — *дорога (тропа)*. С первых страниц повествования начинает звучать мотив длинного, трудного, неясного пути, который преодолевает героиня. В связи с этим в рассказе множество слов (прежде всего, глаголов), содержащих общий смысловой компонент ‘движение’, ‘перемещение’

⁴ Здесь и далее толкования диалектизмов даны по: *Мосеев И. И. Поморьска говоря: краткий словарь поморского языка*. Архангельск: Правда Севера, 2006. 372 с.

⁵ Здесь и далее текст рассказа цит. по: *Казаков Ю. П. Избранное*. М.: Книжный Клуб 36.6, 2017. 733 с.

в пространстве’: *блудить, ходить* и его производные *приходить, заходить*, глагол интенсивного действия *бежать* и др.

В тексте возникает образ дома. *Пустой* сиротский дом в начале рассказа противопоставлен *глухой тропе, зарастающей мхом, травой, даже грибами*. Это дом одинокой девушки, поэтому в нем *неприглядно, пусто, скучно... сквозь давно не чиненную крышу повети глядит небо*. Обратим внимание на деталь: за Манькой как бы приглядывает Небо, не дает сбиться с тропы жизни.

Портрет главной героини вписан в пейзаж. Манька от умершей матери унаследовала *дикость, необычность, дремучесть и затаенность*, а от северного неба и моря — *зеленые пронзительные глаза*. Украшения взяты от прибрежного леса:

По берегам темных речушек, заваленных буреломом, журчащих и желто пеняющихся, зацветают к августу пышные алье цветы. Рвет тогда их Манька, навязывает из них тяжелые букеты.

Все эти детали создают реальный и одновременно мифологический образ юной девушки. Вдали от людей, в *тени серых, изуродованных северными зимними ветрами елок*, украшенная цветами и сизыми ягодами можжевельника, героиня рассказа с иконописными чертами (худое, темное, тонкое лицо с пронзительными глазами) выступает перед нами в другой ипостаси. Это уже не Манька — Мария («любимая, желанная»⁶), и она *воображает себя невестой*. В «Энциклопедии знаков и символов» указывается, что можжевельник многими народами считается священным, «деревом Христа»⁷. В живописи этот кустарник символизирует «добродетель и чистоту» (например, на картине Леонардо да Винчи «Портрет Джиневры де Бенчи»)⁸.

⁶ Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательства АСТ», 1998. С. 402.

⁷ Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Можжевельник> (дата обращения: 15.02.2022).

⁸ Энциклопедия «Деревья — разгадка символов в живописи: в тени священных рощ...» [Электронный ресурс]. URL: https://artchive.ru/encyclopedia/123~The_tree_as_a_symbol_in_art (дата обращения: 15.02.2022).

Первая главка заканчивается картиной обеда у рыбакского костра. Это своеобразная соборная трапеза, объединяющая рыбаков и девушку, доставившую им «благую весть» в виде писем, посылок и бандеролей:

И, краснея, опуская глаза, Манька садится и ест, стараясь не глотать громко, с благодарностью чувствуя заботу и любовь к себе рыбаков.

Автор обращает внимание на некие точки, определяющие направление движения героини. По этому маршруту, может быть, сотни лет ходили ее предки, и вот теперь ходит она, Манька, и ей не случайно кажется, что если сбьется с тропы, то может заблудиться. Однако по дороге Маньке приходится заворачивать на тони. Словарь В. И. Даля дает следующее толкование этому слову: «рыбачий стан, притон, становище»⁹. В контексте повествования, будучи объединенным с топонимом *Воронья*, диалектизм получает дополнительный смысл.

Во второй главе намечается завязка действия: *Первая от Вазинцев тоня называется Вороньей*. Негативная сема 'притон' в толковании слова в том же словаре В. И. Даля открывает цепочку понятий и образов – «пристанище, прибежище, убежище, приют, пристань; место сборища, сходбища», которые становятся базой для появления мотива опасности, подстерегающей на этом пути героянью рассказа, и готовят встречу с Перфилием Волокитиным. Герой появляется на Вороньей тоне летом, по возвращении в родную деревню из армии. Автор дает персонажу редкое звучное имя (*Перфилий* или *Порфирий* – «одетый в царственные одежды»¹⁰). А фамилия отсылает к устаревшему значению глагола *волоситься* – 'ухаживать за женщиной'. Оба значения так или иначе реализованы в тексте рассказа. Перфилий в какой-то степени противопоставляет себя среди рыбаков и деревенских жителей, он претендует на лидерство. Герой уверен в своей мужской харизме, встречается с Ленкой, *самой красивой и озорной девкой в деревне*, и не ждет указаний, как ему поступать в том или в ином случае.

⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / совмеш. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. 700 с.

¹⁰ Имя [Электронный ресурс]. URL: <https://imya.com/name/> (дата обращения: 15.02.2022).

Автор неоднократно меняет ракурс восприятия персонажа. Сначала читатель смотрит на Перфилия глазами рассказчика, который рисует портрет героя: *черноволосый, стриженый, с крепким маленьким лицом*. Затем портретная характеристика обогащается информацией, раскрывающей особенности характера и поведения Перфилия. Читатель узнает, что он уверен идет по жизни, его не останавливают трудности и преграды, возникающие на пути. При этом молодой рыбак трудолюбив, весел и музикален: *Принес он на тоню гармонь, часто играл, бездумно глядя в море*.

Затем герой предстает перед читателем в восприятии Маньки. Он, *сильный, буйный, ловкий, неутомимый в танцах, находчивый и насмешливый в разговоре*, не может не овладеть ее мечтами и тайными желаниями. Казаков, используя прием сна в структуре повествования, безусловно, следует традиции, погружая читателя в исток великого таинства – любви, стихийно зародившегося в сердце юной письмоносицы. Так реализуется платоновская метафора – любовь как пробуждение воспоминаний бессмертной души.

Вновь возникает образ дома, который связан с переменами во внутреннем мире влюбленной девушки. Вспоминая лицо и голос Перфилия, его слова и смех, она *воображала с пылающими щеками, что живет с Перфилием в высокой новой избе...* Для геройни любовь неотделима от представлений о счастливой семейной жизни. Автор создает оппозицию: сиротский дом с крышей, через которую видно небо, и дом с окнами на море, в котором живет большая счастливая семья.

Эпизод, раскрывающий изменение мировосприятия героини под воздействием первого любовного переживания, исполнен глубокого лиризма. Автор сочувствует Маньке, потому что в любви она совершенно одиночка, страдает от ревности к счастливой сопернице и жалости к своему худому, *детскому еще телу*. Героиня не верит в то, что по-женски привлекательна, сомневается в возможностях взаимного чувства. Предикаты внутреннего состояния выражают настроение героини, оказавшейся захваченной внезапным чувством: в тексте появляются глаголы и выражения со значением 'бояться': *вздрагивала, холодела, падало сердце, ныло в груди*.

Манька так молода и неопытна в своих переживаниях, что после встреч с Перфилем теряет *дорогу*, несколько раз *блудит в лесу*. Однако на помощь девушке приходит то, что от века живет в народной душе и из поколения в поколение передается в сказках и песнях. Сидя на камне у моря, Манька вспоминает слова, которые связывают ее с матерью, бабушкой и другими предками, давно ушедшими в иной мир. Когда она повторяет древний заговор, они стоят за ее спиной, укрепляют и поддерживают веру в несокрушимую силу любви.

Пейзаж у Казакова, равно как и многие другие элементы его художественной системы, подчеркивает сложность внутреннего мира человека. Так, картина природы, завершающая вторую главу, выстраивает аналогию между происходящим во внешнем мире и внутренним, эмоциональным состоянием героини: *Море было неподвижным, шелковистым, едва заметно поднималось и опадало, будто дышало*.

Художественное время в произведении дискретно: вначале читатель узнает о погибшей матери Маньки, которая не вынесла смерти мужа, а позже автор упоминает о давно умершей Манькиной бабке. Давнее прошлое в рассказе охватывает несколько лет, недавнее – несколько летних месяцев (основное действие происходит уже в сентябре). А значимое для героини настоящее в тексте измеряется часами и даже минутами (работа в карбасе во время шторма, любовный натиск Перфиля в рыбакской избушке).

Третья глава составляет кульминацию рассказа. Между событиями в жизни Маньки, о которых рассказывается во второй и третьей главах, проходит довольно много времени. Чувство, зародившееся в сердце героини, вызрело, об этом свидетельствует вся окружающая ее природа.

Описывая встречу Маньки с Перфилем, автор использует прием контраста, противопоставляя стыдливое, робкое состояние героини тяжелому, сумрачному настроению молодого рыбака. Манька, неожиданно оказавшись с Перфилем наедине, *стыдливо поджала ноги и перевела дух, прошептала, слабо двинула рукой*. Однако ее поведение резко меняется, когда на море поднимается шквалистый ветер.

В сцене шторма автор использует прием параллелизма: картина разбушевавшейся стихии выявляет бурю переживаний героев, которые испытывают сильное физическое тяготение друг к другу. Расширяется вселенная, в хаосе которой рождается нечто, что ведет к единению и сохранению жизни. Манька не может оставить Перфиля в море одного, но и он не оставляет Маньку, спасая в тот момент, когда она уже прощается с жизнью. В море они образуют единое целое, становятся звеном в цепи, удерживающей их от движения в пустоту. Сцена шторма – это не просто кульминация повествования. Писателю удается создать картину борьбы гармонии и хаоса, из которого рождается любовь, способная преодолеть нечто страшное, стихийное и безжалостное. А музыкальная природа прозы Ю. Казакова позволяет сравнить кульминацию рассказа с крещендо, когда звучание музыки максимально увеличивает свою силу.

Характерно, что прыгнувшая в карбас Манька забыла платок, осталась простоволосой:

«Платок забыла! – думала она. – Ой, пото-нем мы, ой, ветер порато дует!» И влюбленно глядела в закинутое, решительное, красное от напряжения лицо Перфиля.

Забытый платок – важная деталь в данном контексте. У наших предков платок был основным женским головным убором, свидетельствовавшим о возрасте владелицы, ее семейном положении, также он был своеобразным оберегом и играл особую обрядовую роль во время свадьбы¹¹. Когда Манька оказалась в море без платка, с распущенными волосами, она невольно нарушила интимные границы, которые до этого момента между нею и Перфилем сохранялись.

Вместе с тем автор неоднократно указывает на целомудренность героини: девушка даже в шторм, даже на краю гибели не утрачивает своей природной стыдливости. В карбасе, помогая Перфилю выбирать из воды сеть, Манька не забывает о своих обнаженных ногах:

¹¹ Шангина И. И. Русский традиционный быт: энциклопедический словарь. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 564–568.

У нее скоро заломило руки и ноги, пластие намокло, задралось, оголились пятнистые от холода крепкие узкие бедра, показался край розовых штанов. Маньке было стыдно, но она уже не могла выбрать минуту оправить платье.

В дальнейшем, уже на берегу, первое, что испытала очнувшаяся от кратковременного обморока героиня, снова был стыд:

Перфилий стоял возле нее на коленях, приподнимал ей голову. Маньке стало стыдно, она оттолкнула его и села, оправляя платье, прикрывая заголившиеся ноги.

Девушка отказывается от предложения понести ее на руках:

...Манька отвернулась и встала, качаясь как пьяная, со слабой виноватой улыбкой на белом лице.

Целомудренное чувство влюбленной девушки противопоставлено «бесстыдству» природного мира. Разбушевавшаяся стихия не знает нравственных ограничений, ей нельзя предъявить требования из сферы морали. Писатель использует такие средства художественной изобразительности, которые создают в рассказе яркий эротический подтекст:

Ни неба, ни облаков, ни моря вдали не было. Было что-то черное, туманное, бесстыдно, нагло возбужденное, взлохмаченное, и в черноте этой одни гребни волн холодно и жестоко белели;

Наконец, подошел настоящий шторм, волны сразу покрылись пеной, полетела водяная пыль, от берега стал доноситься сплошной рев; там по песку шел чудовищный накат...

Оказавшись в опасной ситуации, Перфилий преображается. Автор заставляет нас смотреть на молодого рыбака Манькиными глазами, и мы восхищаемся его ловкостью и веселой смелостью. Герой счастлив, когда ему удается сделать трудную работу, спасти Маньку, и, выбравшись на берег, он чувствует себя победителем.

События в четвертой, заключительной, главе рассказа развиваются стремительно и неожиданно. Меняется художественное пространство произведения. Герои находятся в безопасности: теперь от свирепой стихии их ограждают стены избушки, в которой топится печь. Возбуждение Перфилия и волнение Маньки как следствие борьбы со штормом переходят в иное качество.

Меняется тональность и ритмико-синтаксическая организация текста. Сначала Перфилий пытается унять внутреннее волнение чередой привычных и необходимых действий, переданных в произведении при помощи ряда однородных членов:

В избе Перфилий растопил печку, стащил с себя все мокрое, переоделся, вынес штаны, свитер и куртку Маньке, ушел в сени и жадно закурил там, рассматривая дрожащие, в ссадинах руки.

Но он не может справиться с возникшим в море возбуждением, и наступившую в избушке тишину нарушают его крики, обращенные к девушке: *Ну?*; *Ну-ка!*; *Поди сюда!*; *Выпьем!* Междометные реплики и глаголы в форме категорического императива в речи Перфилия создают ощущение нарастающего напряжения в избушке.

Переодевшись в сухую одежду Перфилия, Манька как бы лишается собственной воли. Тепло огня и жар страсти постепенно усиливаются. Обратим внимание еще на одну деталь – пушкинские аллюзии, которые в определенной степени формируют читательские ожидания. Автор вводит в текст искаженную цитату из «Вакхической песни» поэта: *Подымем стаканы, содвинем их сразу...* (в оригинале: *Подымем стаканы, содвинем их разом!*). Но читатель невольно вспоминает и другие стихи: *Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя...;*; *Наша ветхая лачужка / И печальна и темна...* и, наконец: *Выпьем, добрая подружка / Бедной юности моей...* («Зимний вечер»). Происходит своеобразная интерференция текстов. В словосочетании *вакхическая песня* акцент, без сомнения, на эпилете *вакхическая*, семантика которого вбирает в себя такие значения, как ‘языческая, безудержная, разгульная, страстная’. И Манька, с распущенными волосами, в мужской одежде, подчиняется ситуации. Кажется, что все преграды между нею и любимым сметены: она мечтает лишь об одном: *чтобы обнял, поцеловал ее Перфилий*.

Животное желание героя выявляется при помощи лексических маркеров, указывающих на его намерения и психологическое состояние: *замолчал и побледнел, легким, хищным шагом вышел из избы*, убедился, что берег пуст и нечаянный гость не войдет в избушку...

Снова меняется точка зрения повествования: теперь мы смотрим на Маньку

глазами Перфилия, который как будто впервые заметил ее красоту:

Он вернулся, напряженно сел, стал жадно, открыто разглядывать Манькино лицо с пылающими щеками, влажные еще, курчавившиеся волосы, опущенные золотистые ресницы...

Осведомился о возрасте девушки: *Тебе лет-то сколько? – быстро спросил он изменившимся голосом*. Его недобрый замысел отзыается в мире природы: *Грозно, гулко шумело за стеной море...*

Влюбленность, неопытность, детская доверчивость, наивная хитрость – все это вместе объясняет ложь, когда Манька прибавляет себе два года: *Девятнадцать... – соврала, прошептала, отвернулась и почувствовала, как холдеют у нее руки и кружится голова*. Кажется, что девичья мечта близка к осуществлению, но семантическое поле эмоционального состояния героини передает спектр переживаний, которые далеки от значений ‘радость’, ‘счастье’, ‘блаженство’. Наоборот, его составляют слова *холод, тоска, слезы,стыд, отчаяние, ужас*:

Что же это! – подумалось ей. – Ай, он кинется на меня сейчас! Мамочка, чего же это!

Взглянув в лицо Перфилию, она увидела неискренность, притворство, бесстыдство, грубость: *Манька обомлела, помертвела...*

Спасает героиню от неизбежного, казалось бы, «греха» память предков и обращение к умершей матери. Очнувшись от пережитого наваждения, Манька сбрасывает с себя не только одежду Перфилия, но и страхи перед ним. Она нравственно возвращается над тем, перед которым трепетала, сознавая, что не понял, не оценил ее способности пожертвовать ради него чистотой, красотой, молодостью, самой жизнью. И Перфилий переживает состояние катарсиса, интуитивно постигая свою ошибку, которая едва не стала для них роковой.

В этом эпизоде автор вновь прибегает к приему сопоставления. Не случайно возникает образ первой деревенской красавицы. И Манька, и Перфилий одновременно вспоминают Ленку. Манька кричит:

Своих лахудров целуй... А меня не трожь!
Я тебе не какая-нибудь! Ленку свою целуй,
ступай к ней. А я еще неце... нецелованная!

В финале рассказа возвращается лирическая тональность повествования, реализующая тонкость и чувствительность в изображении внешнего мира и внутреннего состояния героини, а также вызывающаяозвученный эмоциональный отклик у читателя. Рассказ Ю. П. Казакова «Манька» имеет открытый финал, и читатели вправе по-своему представить будущее героев.

Выводы. Таким образом, художественный текст рассмотрен нами «как эстетический феномен, обладающий цельностью, образностью и функциональностью, и как форма обращения к миру...» [Николина 2003]. Филологическое исследование рассказа Ю. П. Казакова «Манька» показало, что это произведение ярко демонстрирует стилистические особенности прозы писателя, которую справедливо называют лирической. Автор открыто выражает отношение к героям и окружающему миру природы. Повествовательная манера писателя такова, что за фабульным пластом произведения скрывается глубокий подтекст, расширяющий горизонт читательского восприятия, пробуждающий ассоциативные связи не только с литературой, но – шире – с историей, бытом и верованиями нашего народа.

Важную роль в тексте играет пейзаж. Так, события в рассказе Казакова как лейтмотив сопровождает шум моря, который то отдаляется, то нарастает, звучит то ласково и умиротворенно, то взволнованно и грозно. Звуки природного мира организуют ритм повествования, составляют фон и обогащают сюжет, наполняя его новыми смыслами, красками, настроениями. Море не просто существует в Манькиной жизни, оно направляет ее на жизненном пути. Манька как бы вписана в пейзаж русского Севера, и он, такой яркий, разнообразный, резко изменяющийся, выявляет и подчеркивает эмоциональное состояние героини. Можно утверждать, что в художественном мире Казакова пейзаж составляет не только эстетический, но и моральный подтекст, реализует индивидуально-авторскую модель мира, ставит вопрос об отношениях между людьми, между человеком и мирозданием. Через пейзаж как эстетическую единицу текста проявляются этические основы философии и мировосприятия писателя.

В рассказе «Манька» находит отражение и музыкальный подтекст, создающий уникальное звучание казаковской прозы. Автор прибегает к знаковым деталям, образам, метафорам, вводит в ткань повествования сказовые элементы. Музыкальность задается повтором ключевых слов, например: *дикая* (о Маньке); *хищный* (о Перфилии). При этом оба определения подчеркивают связь персонажей с миром природы и указывают на внутреннюю близость героев. Изменения в мире природы переданы с помощью глагольной лексики, называющей разнообразные звуки. Например, *журчат* темные, заваленные буреломом лесные речушки; *свистит* ветер; *ревет* шторм; *ревет, будто громадный буйный зверь*, море; *ревет* прибой; *шипит* раскат; *ширится* *нарастающий гул бури...* и т. д. Прием олицетворения «одушевляет» окружающий мир, заставляя его не только двигаться, но и чувствовать. Музыка, пронизывающая рассказ, «звучит» в тексте и в других музыкальных деталях: *тенором кричит* начальник почты; *сипло отвечает* Манька; героиня *воет* и у нее *гудит* в голове, когда она оказывается под лодкой во время шторма; Перфилий играет на гармони, *постукивая, поскрипывая* *хромовыми сапогами*, поет частушки.

Стремлению к музыкальной аранжировке текста, созданию ритма произведения подчинена и система оппозиций в рассказе: земля – море – небо; сиротский дом – избушка на тоне – дом с окнами на море; Манька – Ленка; чистая любовь – греховная страсть и др. В итоге музыкальность повествования становится характеристикой мира, в котором разворачивается любовная драма главных героев, выражение их мироощущения.

В текст рассказа Ю. П. Казаков вводит евангельские, фольклорные и литературные реминисценции с целью выявить духовный потенциал героев. Манька предстает перед читателем одновременно в нескольких планах – реальном и мифологическом. Фольклорный текст заговора на приворот, дважды использованный автором, – структурный элемент, позволяющий показать близость Маньки к народно-поэтической традиции. И это возвышает героиню, наделяя ее неоспоримыми духовно-нравственными качествами.

Рассказ Ю. П. Казакова проникнут любовью, нежностью и преданностью миру, в котором живут настоящая любовь и красота, не подверженные ни злому умыслу, ни грубому насилию, ни греховной страсти.

Произведение Ю. П. Казакова продолжает традиции русской классической прозы, для которой было характерно ставить нравственные проблемы, искать смысл жизни. Автор сосредоточен на тончайших движениях человеческой души, тайну которой он постигает, последовательно переходя «от одного психологического горизонта к другому, открывая на каждом из них новые драматические отношения между человеком и миром» [Лейдерман 2010: 340]. Но при этом автор невольно показывает черты поколения, к которому сам принадлежал в разрезе исторического времени. В рассказе «Манька» создана яркая картина действительности, позволяющая читателю представить жизнь советских людей в поморской деревне в середине прошлого столетия, их язык, быт, поведение. В этом смысле многие детали текста соотносятся с правдой бытия, характерной для произведений Ю. П. Казакова в целом. Вместе с тем судьба Маньки в рассказе показана не только на фоне послевоенного десятилетия, но шире – на фоне жизни ее предков, которые столетиями обживали суровые северные просторы, занимаясь охотой, рыболовством, обижающей свою землю. Образы Маньки и Перфилия стоят в одном ряду со множеством других героев, для которых характерна «неодолимая потребность осуществить свое предназначение» [Кузьмичев, Электронный ресурс].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова М. С. Особенности нарративной структуры новеллы Ю. П. Казакова «Двое в декабре» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. № 5. С. 133–138.
2. Вознесенская И. М. Лирическая тональность как стилеобразующая черта поздних рассказов К. Паустовского // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 113–119.
3. Гулак А. Т. Остановленное мгновение (Ю. Казаков. «Осень в дубовых лесах») // Русский язык в школе. 2012. № 11. С. 38–42.
4. Исина Н. У. «Я»-рассказчик в прозе Ю. П. Казакова [Электронный ресурс]. URL:

- http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/974/Ya%20%20%20%20%20rasskazchik%20v%20proze%20U.%20Kazakova.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
5. Камянов В. Испытание красотой (заметки о творчестве Юрия Казакова) [Электронный ресурс]. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20170426-ispytanie-krasotoj-zametki-o-tvorchestve-yuriya-kazakova> (дата обращения: 15.02.2022).
6. Кузьмичев И. Жизнь Юрия Казакова: документальное повествование // Звезда. 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/kuzmichev_igor/gizn_yuriya_kazakova_dokumentalnoe_povestvovanie.html#0 (дата обращения: 15.02.2022).
7. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Русская литература XX века (1950–1990 годы): учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. 1: 1953–1968. М.: Академия, 2010. 416 с.
8. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.
9. Фролова Е. А. В поисках медвежьего рая (лингвостилистический анализ рассказа Ю. Казакова «Тедди») // Русский язык в школе. 2012. № 11. С. 43–46.
10. Чебракова Е. В. Традиции И. Бунина в творчестве Ю. Казакова // Литературный процесс: традиции и новаторство. Архангельск: Изд-во ПГГГУ, 1992. С. 210–222.
3. Gulak A. T. Stopped moment (Yu. Kazakov. "Autumn in oak forests"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2012;11:38–42. (In Russ.)
4. Isina N. U. The "I"—narrator in prose of Yu. P. Kazakov. *Vestnik Evraziyskogo natsionalnogo universiteta imeni L. N. Gumileva. Seriya Filologiya = Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series*. 2011;1(80) [Electronic resource]. URL: <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/974/Ya%20%20%20%20%20rasskazchik%20v%20proze%20U.%20Kazakova.pdf> (accessed: 15.02.2022). (In Russ.)
5. Kamyanyov V. The testing by beauty (notes on the works of Yury Kazakov. [Electronic resource]. URL: <https://md-eksperiment.org/post/20170426-ispytanie-krasotoj-zametki-o-tvorchestve-yuriya-kazakova> (accessed: 15.02.2022). (In Russ.)
6. Kuzmichev I. The life of Yury Kazakov: documentary narration. *Zvezda = Star*. 2012 [Electronic resource]. URL: https://royallib.com/read/kuzmichev_igor/gizn_yuriya_kazakova_dokumentalnoe_povestvovanie.html#0 (accessed: 15.02.2022). (In Russ.)
7. Leyderman N. L., Lipovetsky M. N. Russian literature of the XX century (1950–1990): Textbook: in 2 vols. Vol. 1: 1953–1968. Moscow: Academia, 2010. 416 p. (In Russ.)
8. Nikolina N. A. Philological analysis of the text: Textbook. Moscow: Academia, 2003. 256 p. (In Russ.)
9. Frolova E. A. In search of a bear's paradise (linguistic and stylistic analysis of Y. Kazakov's story "Teddy"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2012;11:43–46. (In Russ.)
10. Chebrakova E. V. Traditions of I. Bunin in the work of Yu. Kazakov. *Literaturnyy protsess: traditsii i novatorstvo. Sbornik nauchnyh trudov = Literary process: traditions and innovation. Collection of scientific works*. Arkhangelsk: PGGSU Publishing House, 1992. P. 210–222. (In Russ.)

REFERENCES

1. Baranova M. S. Specificity of narrative structure of Yu. P. Kazakov's short story "Two in December" *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. Tambov: Gramota. 2021;5:133–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/phil210194>.
2. Voznesenskaya I. M. The lyrical tone as a stylistic feature of the late short stories by Konstantin Paustovsky. *Mir russkogo slova = The world of Russian word*. 2017;4:113–119. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Ясакова, кандидат филологических наук, доцент

Ekaterina A. Yasakova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 14. 02.2022; approved after reviewing 31.03.2022; accepted for publication 15.04.2022.